

ADMINISTRATION PRACTICES OF THE "OLD REGIME": DESTINIES AND IMAGES

DOI 10.15826/qr.2019.3.409

УДК 929Петр(470)*1+929Геннин+94(100)05/..."

«ВЕЧЕРОМ ИЗ РУССКОГО ЛАГЕРЯ ПРИБЫЛ... МАЙОР»: ПЕРВЫЕ 34 ГОДА ЖИЗНИ ВИЛИМА ГЕННИНА*

Дмитрий Серов

Новосибирский государственный университет
экономики и управления,
Новосибирск, Россия;

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

“IN THE EVENING THE MAYOR ARRIVED FROM THE RUSSIAN CAMP”: THE FIRST 34 YEARS OF THE LIFE OF WILHELM HENNING

Dmitry Serov

Novosibirsk State University
for Economics and Management,
Novosibirsk, Russia;

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article is the first attempt to make a special review of the events in the early life of Wilhelm Henning, a founding father of the metallurgical industry of 18th-century Russia and of Yekaterinburg. The article concerns some issues connected with Henning's place and time of birth and his family. The author substantiates the fact that the person known as Vilim de Gennin was originally known as Georg Wilhelm Henning, born in October 1676 in Siegen. Referring to archival sources which have not been previously studied, the author clarifies the circumstances underlying the entry of Wilhelm Henning into Russian service, refuting the long-established opinion about his personal acquaintance with

* *Citation*: Serov, D. (2019). “In the Evening the Mayor Arrived from the Russian Camp”: The First 34 Years of the Life of Wilhelm Henning. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 801–817. DOI 10.15826/qr.2019.3.409.

Цитирование: Серов Д. «Вечером из русского лагеря прибыл... майор»: первые 34 года жизни Вилима Геннина // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 801–817. DOI 10.15826/qr.2019.3.409.

Peter I in 1698. He argues that the motive behind Henning's transition to the service of the Russian tsar was obviously a lack of career prospects in Western Europe. Additionally, the article demonstrates that Wilhelm Henning distorted the events of his early life in Russia in his personal note (1743). It is documented that during the first three years of his stay in Moscow, Henning worked as a master in the State Armoury; this helps prove the assumption that, by transferring to the Artillery Prikaz, Henning did not participate in campaigns of the Great Northern War during 1702–1709 and received the patronage of the Bruce brothers, Jacob and Robert. It is shown that Henning took part in military actions only in 1710, having distinguished himself as an artillery officer during the sieges of Vyborg and Kexholm. The author thus argues that the turning point of Henning's career in Russia was 1710. This was when he had his first personal meeting with Peter I, when Henning was sent to the tsar to notify him of the siege of Kexholm. Having managed to produce a favourable impression on the tsar, Henning secured further career growth (at first in St Petersburg) as a military engineer and organiser of the metallurgical industry.

Keywords: Peter the Great; Henning family; Georg/Vilim Henning; Robert Bruce; Armoury; Great Northern War; siege of Vyborg; siege of Kexholm.

Статья являет собой первый опыт специального обозрения событий начального этапа биографии Вилима Геннина, признанного организатора металлургической промышленности России XVIII в., основателя Екатеринбурга. Рассмотрены вопросы о месте и времени рождения В. Геннина, о его родственном круге. Подтверждено мнение об идентичности В. Геннина с Георгом Вильгельмом Генниным (*Georg Wilhelm Henning*), рожденным в октябре 1676 г. в г. Зигене. На основе анализа выявленных сведений о юности В. Геннина мотивировано предположение об отсутствии у него не только высшего, но и законченного среднего образования. На основании архивных документов, впервые введенных в научный оборот, уточнены обстоятельства вступления Вилима Геннина в российскую службу, опровергнута устоявшаяся точка зрения о его личном знакомстве с Петром I в 1698 г. Высказано мнение, что мотивом перехода В. Геннина на службу русскому царю явилось очевидное отсутствие у него карьерных перспектив в Западной Европе. Выявлен факт искажения Вилимом Генниным в личной записке 1743 г. событий начала службы в России. Документально установлено, что на протяжении первых трех лет пребывания в Москве В. Геннин являлся мастером Оружейной палаты. Обоснованы предположения о том, что, перейдя в ведомство Приказа артиллерии, Вилим Геннин не участвовал ни в одной из кампаний Великой Северной войны 1702–1709 гг., а также о покровительстве ему со стороны братьев генералов Я. В. и Р. В. Брюсов. Показано, что непосредственное участие в боевых действиях В. Геннин принял лишь в 1710 г., отличившись в качестве артиллерийского офицера в ходе осад Выборга и Кексгольма. Мотивировано предположение о том, что перелом в карьере В. Геннина в России произошел в 1710 г. Этот перелом был связан с его первой личной встречей с Петром I, которая состоялась в связи с командированием В. Геннина к царю с сообщением о взятии Кексгольма. Сумев произвести

на главу государства благоприятное впечатление, Вилим Геннин обеспечил себе дальнейший карьерный рост (первоначально в Санкт-Петербурге) в качестве военного инженера и организатора литейного производства.

Ключевые слова: Петр I; семейство Генниных; Георг/Вилим Геннин; Р. В. Брюс; Оружейная палата; Великая Северная война; осада Выборга; осада Кексгольма.

1710 года сентября в 10-й день в городе Санкт-Петербурге царь и великий князь Петр Алексеевич, отвлекшись от иных дел, взялся диктовать послание светлейшему князю А. Д. Меншикову. Первыми строками в послании запечатлелись воодушевленные государевы слова: «Сего момента получили мы ведомость чрез маеора Генинга, что корельской камендант вышереченную крепость на окорд здал...» [Письма и бумаги, т. 10, с. 328]. Светлейший князь оказался первым, кого будущий император письменно известил о новой победе российского оружия – об овладении шведской крепостью Кексгольм (до 1611 г. входившей в Московское царство и именовавшейся Корелой). Кем же был «маеор Генинг», который доставил царю «ведомость» о падении крепости? И почему именно он оказался избран для выполнения столь почетной миссии?

В действительности «маеора Генинга» звали несколько иначе. В российских документах XVIII в. он фигурировал еще и как «Генинг», и как «Геник», и как «Генин», и как «Хеник», и как «Хенинг», и даже как «Ген» и «Генан». Сам же обладатель этих разнообразных прозваний подписывался по-русски «Вилим Геннин» либо «В. Геннин». Впрочем, при рождении будущий «маеор Генинг» был наречен совсем другим именем.

Происхождение, родственный круг, юность, вступление в российскую службу

По утверждению Якоба Штелина, который лично общался с В. Генниным и первым обнаружил о нем в 1785 г. биографические сведения, тот был родом из Утрехта (*aus Utrecht in Holland gebürtig*) [Stählin, S. 397]¹. Эти же сведения в 1809 г. привел Г.-А. Гельбиг (возможно, повторив Я. Штелина) [Helbig, S. 127]. В свою очередь, согласно документу, опубликованному в 1826 г., при вступлении в российскую службу сам В. Геннин назвал себя уроженцем Ганау [Гамель, с. 66]. В действительности, как явствует из метрической записи, введенной в научный оборот в 1972 г., Георг Вильгельм Геннин (*Georg Wilhelm*

¹ Со ссылкой на свидетельство В. Геннина Я. Штелин привел «анекдот» № 97 (о реакции Петра I на кончину царевича Петра Петровича) [Stählin, S. 276–279]. «Анекдот» этот представляется явственно недостоверным – как по приведенным в нем крайне сомнительным реалиям, так и по заведомой невозможности для В. Геннина быть осведомленным об описанных событиях.

Henning) родился в городе Зигене и был там крещен по протестантскому обряду «в утренний молитвенный час» 11 октября 1676 г. [Lück, S. 10]. Впрочем, и Ганау, и Утрехт оказались упомянуты в старинных версиях биографии В. Геннина не случайно, с этими городами были связаны жизненные пути его близких родственников.

На сегодня возможно полагать установленным, что человек, ставший известным в России как Вилим Иванович Геннин, происходил из незнатной семьи, ряд представителей которой получили известность в XVII в. как деятели просвещения и проповедники в Голландии и в западных германских герцогствах и графствах. Дед В. Геннина Конрад Геннин, получив университетское образование, был священником в Дилленбурге, затем в Зигене, а впоследствии придворным проповедником и инспектором реформатской церкви в Ганау.

1. Неизвестный художник.
Портрет В. де Геннина.
XVIII в.

Unknown artist. Portrait
of W. Henning. 18th century

Дядя, Генрих Геннин (*Heinrich Christian Henning*) (1658–1704), окончил в 1679 г. университет в Утрехте со степенью доктора медицины, впоследствии состоял ректором гимназии в голландском городе Тиле, а в 1690 г. стал ординарным профессором в университете Дуйсбурга (ил. 1).

Отец Георга/Вилима Иоганн Геннин (*Johannes Henning*) родился в 1645 г. С 1665 г. обучался философии в Академии Ганау, некоторое время работал писарем в тамошнем казначействе, потом служил младшим офицером в артиллерии. В 1674 г. обосновался в Зигене. Был женат на некоей Катарине (ее девичья фамилия осталась неустановленной), в браке с которой и родился Георг Вильгельм [Lück, S. 10–11]. В свете приведенных данных возможно предположить, что в Зигене семья прожила недолго, и детство будущего «маеора Генинга» прошло в Ганау (вероятно, в доме деда Конрада). Как следствие, этот город долгое время воспринимался Георгом/Вилимом субъективно в качестве родного.

Судя по всему, в отличие от старших родственников, Вилим Геннин не сумел получить ни университетского, ни даже полного среднего образования. В прошении о вступлении в российскую службу Георг Вильгельм указал², что «несколько лет обучался и... основательно разумеет архитектуру гражданскую, домов строение,

² Публикацию названного прошения В. Геннина (вместе с его тогдашним переводом на русский язык) впервые осуществил в 1826 г. И. Х. Гамель, выявивший означенные документы в одном из фондов Московского архива Коллегии иностранных дел. Два года спустя эту публикацию воспроизвел В. Н. Берх [Берх, 1828, кн. 2, с. 115–117]. Подлинники документов выявить к настоящему времени не удалось. В 2018 г. по просьбе автора статьи кандидат филологических наук И. А. Канакин предпринял перевод текста прошения на современный русский литературный язык, выявив две неточности и один пропуск, допущенные в первоначальном переводе.

делание всяких потешных огнестрелных вещей [устройство разных фейерверков³]... преизрядно на бумаге вырезывать» [Гамель, с. 66]. Однако каких-либо данных о том, где именно «несколько лет обучался» Георг Геннин, кто наставлял его по «архитектуре гражданской» и по части «устройства разных фейерверков», выявить в настоящее время не удалось. По всей вероятности, это было частное обучение у каких-то мастеров.

Согласно достоверному известию, в юности будущий «маеор Геннинг» работал формовщиком, то есть рабочим, изготавливающим формы для заливки в них расплавленного металла [Lück, S. 11]. Выбор Георгом Вильгельмом подобной специальности был вполне понятен: его родной город Зиген являлся в XVII в. одним из крупнейших центров горнорудной промышленности Западной Европы. Представляется вполне вероятным, что трудовой путь в качестве формовщика Георг/Вилим начал именно в Зигене, вернувшись туда из Ганау.

О том, что В. Геннин был профессионально знаком с технологиями металлургического производства, свидетельствуют многие факты его позднейшей карьеры в России. Вместе с тем нельзя не отметить, что о своей подготовке как литейщика Георг Геннин умолчал при вступлении в российскую службу. Скорее всего, в тот момент он намеревался принципиально сменить род занятий, не предполагая более никогда трудиться у доменной печи.

Причиной, по которой Георг/Вилим не получил систематического образования, явилось, по всей вероятности, стесненное материальное положение его семьи. В 1716 г. в письме к генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину Вилим Геннин упомянул, что покинул родительский дом «скуден» [Берх, 1826, кн. 1, с. 125] (то есть бедняком). Отсутствие же образования предопределяло далеко не радужные перспективы карьеры Георга Вильгельма что в графстве Нассау, что в графстве Ганау, что в Республике соединенных провинций Нидерландов. Между тем, о наличии у В. Геннина карьерных амбиций сохранилось позднее, но убедительное свидетельство. В 1715 г. в письме к тому же Федору Апраксину Вилим Иванович между иного отметил: «Однако ж всякой человек ищет себе чести и повышения чина. За что мы на свете служим» [Там же, с. 105]. Вряд ли подобные умонастроения сложились у В. Геннина в зрелые годы. Тем самым, представляется вполне закономерным, что на исходе XVII в. молодой литейный мастер решил «искать фортуны» в далекой Московии.

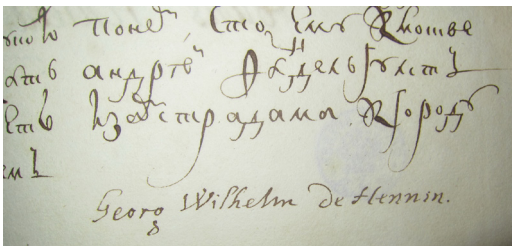
В 1698 г. в Амстердаме во время пребывания там «великого посольства» во главе с царем Петром Алексеевичем В. Геннин вступил в российскую службу. Характерно, что упоминавшееся прошение об этом было составлено на голландском языке, а подписался Георг Вильгельм

³ Согласно переводу И. А. Канакина.

на голландский манер как *Georg Wilhelm de Henning* [Гамель, Прибавления, с. 66]. К этому времени он был еще не женат («Jongman»)⁴.

Поручителем по В. Геннину выступил житель Амстердама Андрей Гульст (*Hendrik van der Hulst*) [Там же, с. 67], неоднократно выполнявший в 1697–1698 гг. задания Петра I, а впоследствии ставший голландским резидентом в Москве. 11 мая 1698 г. «иноземец Юрья Вилим де Генин» был зачислен в Оружейную палату с окладом «на месяц по шти рублей» [РГАДА. Ф. 150. 1698 г. № 10. Л. 74], то есть 72 руб. в год. Маршрут его движения в Москву был определен через Архангельск («едет из Амстрадама к Городу морем») [Там же]. Примечательно, что принятие будущего «маора Генинга» в российскую службу состоялось «по указу великого государя», а не по «великого государя имянному указу» [Там же]. Это означало, что соответствующее решение принималось не царем, а от его имени. Тем самым, ни о каком личном общении Петра I с Георгом Вильгельмом в Амстердаме говорить не приходится.

Нельзя не упомянуть о своеобразии подписи новоявленного служителя Оружейной палаты, поставленной при ознакомлении с распоряжением от 11 мая 1698 г. – самом раннем из выявленных на сегодня автографов В. Геннина [Там же]. Подпись *Georg Wilhelm de Henning* вы-

2. Первый выявленный автограф В. Геннина // РГАДА. Ф. 150 (1698 г.). № 10. Л. 74

W. Henning's first known autograph // RGADA. Stock 150 (1698). No. 10. P. 74

полнена заметно нетвердо, часть букв не соединена друг с другом. Совершенно очевидно, что к моменту переезда в Россию Георг Вильгельм не обладал навыками «скорописания», ему было еще непривычно держать в руке перо (ил. 2).

Наконец, необходимо отметить, что зачисление В. Геннина на российскую службу произошло в са-

мом конце пребывания «великого посольства» в Амстердаме: царь с сопровождающими покинул город уже 16 мая 1698 г. [Походный журнал 1698 г., с. 17]. Так что если бы Георг Вильгельм замедлил с подачей прошения, то оформление его на российскую службу могло бы изрядно затянуться, а, скорее всего, вовсе не состояться.

Служба в Оружейной палате и в артиллерийском ведомстве

Обстоятельства раннего этапа карьеры В. Геннина в России остались поныне столь же туманными, как и события первых 22 лет его жизни. Наиболее ценным источником о биографии Вилима Ивановича в конце XVII – начале XVIII в. является автобиографическая запи-

⁴ Данный фрагмент был опущен в переводе 1698 г.

ска, собственноручно начертанная им в 1743 г. и извлеченная первым его российским биографом В. Н. Берхом в 1820-е гг. из семейного архива Генниных [Берх, 1826, кн. 5, с. 104–107]⁵. Как явствует из записки, российскую службу Вилим Геннин начал в 1698 г. с чина фейерверкера (сержанта артиллерии) с окладом 72 руб. в год. В той же записке указано, что в 1700 г. он был произведен в поручики, в 1702 г. – в капитаны, в 1706 г. – в майоры, а в 1710 г. – в подполковники [Там же, с. 104]. Между тем, отнюдь не все сведения, изложенные в автобиографической записке 1743 г., возможно признать достоверными. В действительности в первые годы пребывания в России В. Геннин не имел никакого отношения ни к военной службе в целом, ни к артиллерийскому ведомству в частности.

Из документов Оружейной палаты известно, что в конце 1690-х – начале 1700-х гг. Вилим Геннин трудился именно в ее стенах. Так, одно из заданий, которое В. Геннину довелось выполнять в 1699 г., заключалось в раскрашивании некоей «шкатулы липовой для образца на глянс» [РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. № 34000. Л. 1]. В свою очередь, согласно окладной росписи канцелярских служащих и мастеров палаты за 1701 г., в ней тогда по-прежнему числился «архитектурного дела иноземец Георг Вилим ди Генан», получавший жалованье в размере изначально установленных ему 72 руб. в год [Описание, с. 466]. Тем самым, приходится констатировать, что на склоне лет В. Геннин целенаправленно затушеввал реальные обстоятельства начала своей службы царю Петру Алексеевичу. Причем затушеввал в записке, предназначенной исключительно для семейного круга, заведомо не рассчитанной на какую-то официальную проверку. Вероятнее всего, первоначальная деятельность в России слишком ассоциировалась у Вилима Ивановича с воспоминаниями о тяжелом физическом труде в доменном цехе, которым ему довелось заниматься в юности. А эту часть своего жизненного пути генерал-лейтенант и кавалер Вилим Геннин определенно не желал афишировать.

Впрочем, 1701 г. оказался все же последним, который Вилим Иванович провел в статусе гражданского специалиста. В «Списке иноземцев, которые ныне ведомы службою и дачею жалованья в Приказе артиллерии», составленном предположительно в 1702 г., в числе поручиков оказался упомянут «Георгий Вилгелим Генинг», против имени которого в списке было отмечено, что он «принят в артиллерию в 1701 году», что жалованье ему установлено 156 руб. в год, и что находится он в Новгороде [Бранденбург, с. 467].

Решение избрать воинскую стезю несомненно принимал сам Вилим Геннин: служителей Оружейной палаты на фронты Великой Северной

⁵ Поскольку семейный архив Генниных оказался к настоящему времени утрачен, предпринятая В. Н. Берхом (на прискорбно низком археографическом уровне) публикация ряда документов из его собрания является сколь ценной, столь и, увы, непроверяемой с точки зрения соответствия подлинникам. Публикатор не указал даже, на каком языке были написаны обнаруженные им личные документы В. Геннина.

войны не отправляли. Подобное решение «Георга Вилима ди Генана» представляется вполне объяснимым. В начале XVIII в. «архитектурный мастер» имел в России несравненно более скромные карьерные перспективы, нежели офицер действующей армии. Осознав эту ситуацию, В. Геннин вновь резко изменил траекторию своей жизни.

Примечательно, что начало военной карьеры Вилима Ивановича оказалось связано с прифронтовым тогда Новгородом. Новгородским «губернатором» в 1701–1704 гг. являлся генерал-майор Я. В. Брюс, ставший затем «главным управителем над всею артиллериею» [РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. № 162. Л. 10]. Скорее всего, В. Геннин был лично известен Якову Брюсу еще с довоенных лет, и именно он настоял, чтобы вчерашнего «архитектурного мастера» направили в Новгород. Да и сам переход Вилима Ивановича на военную службу состоялся, вероятно, по рекомендации и при содействии Якова Брюса. Насколько возможно понять, именно Я. В. Брюс стал первым «патроном» Вилима Ивановича в России (отчасти разделив эту роль со своим старшим братом Романом, первым санкт-петербургским обер-комендантом).

О службе В. Геннина в ведомстве Приказа артиллерии в 1700-е гг. сохранились весьма фрагментарные сведения. В опубликованном трехтомнике служебной переписки Я. В. Брюса за 1704–1707 гг. Вилим Иванович оказался упомянут всего лишь трижды: в июне 1706 г. (в связи с тем, что его обокрали собственные денщики) [Архив, т. 2, с. 116], а затем в августе и ноябре 1707 г. [Там же, т. 3, с. 117, 193]. Из контекста писем 1707 г. очевидно, что в это время В. Геннин руководил (причем в чине капитана) работами по ремонту материальной части артиллерии в Шлиссельбургской крепости.

Нельзя также не отметить, что, скрупулезно перечислив в упомянутой автобиографической записке 1743 г. наградные знаки и сверхокладные денежные суммы, полученные за 45 лет службы в России, Вилим Иванович не указал ни единого соответствующего пожалования до 1710 г. [Берх, 1826, кн. 5, с. 105–106]. Между тем, участие солдат и офицеров в «осадах, баталиях и акциях» нередко отмечалось в первом десятилетии XVIII в. как единовременными выплатами, так и вручением памятных медалей. Их отсутствие у В. Геннина свидетельствует, думается, о том, что в 1702–1709 гг. побывать на полях сражений ему не довелось.

Совсем не проясненными остались события частной жизни молодого Вилима Геннина. С определенностью возможно лишь утверждать, что, находясь в России, он женился. Однако ни имени, ни девичьей фамилии избранницы В. Геннина, ни даты их бракосочетания установить к настоящему времени не удалось. Известно лишь, что супруга Вилима Ивановича скончалась 17 марта 1716 г. в Санкт-Петербурге и что он весьма остро переживал ее уход из жизни [Берх, 1826, кн. 1, с. 125]. Этот брак Вилима Ивановича был, судя по всему, бездетным.

Из письма Я. В. Брюса «государю братцу» Роману Брюсу от 22 февраля 1710 г. возможно уяснить, что на тот момент Вилим Геннин числился на гарнизонной службе, проходила которая, судя по всему, в Санкт-Петербурге. В том же письме Яков Брюс упомянул, что Вилим Иванович высказывал готовность «потрудитца» в деле предстоящего строительства его Санкт-Петербургского дома [Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Кн. 47. Л. 479–479 об.]. На сегодня осталось неизвестным, когда в точности начались работы по возведению дома Якова Вилимовича, находившегося на берегу Невы на Московской стороне вблизи Литейного двора (внутренняя отделка дома велась в 1715–1717 гг.) [Николаева, с. 622–628]. В любом случае в 1710 г. Вилим Геннин при всем желании не смог бы уделить должного внимания наблюдению за постройкой дома своего начальника.

Под стенами Выборга и Кексгольма

Первые достоверные сведения о боевой службе Вилима Геннина удалось выявить в связи с его участием во взятии Выборга, наиболее мощной крепости в шведской Финляндии, имевшей стратегическое значение для северо-западного театра военных действий. Осада крепости началась в марте 1710 г. и продлилась более трех месяцев. Не вдаваясь на этих страницах в обзорные события осады (вполне подробно освещенных в современной военно-исторической литературе [Мельнов, 2017; Sundberg, p. 297–330]), хотелось бы все же отметить несколько обстоятельств.

Первоначально осадная группировка под командованием генерал-адмирала Ф. М. Апраксина столкнулась с немалыми трудностями. Недостаточной оказалась огневая мощь подвезенной по льду артиллерии, все острее ощущались перебои в поставках провианта.

Перелом в ходе осады произошел в начале мая 1710 г. Тогда в условиях тяжелой ледовой обстановки в Финском заливе под непосредственным руководством Петра I была успешно проведена одна из крупнейших за Великую Северную войну морских военно-транспортных операций. В ходе операции караван судов доставил к Выборгу из Санкт-Петербурга личный состав гвардейских полков, артиллерию, а также значительные запасы боеприпасов и продовольствия. Подвезенные морем 80 пушек и 19 мортир крупного калибра решили судьбу крепости. До штурма дело не дошло. Не выдержав восьмидневного массированного артиллерийского обстрела, вызвавшего в городе многочисленные разрушения и пожары, 13 июня 1710 г. гарнизон капитулировал.

Что касается В. Геннина, то на сегодня достоверно известно, что он прибыл в осадный лагерь 9 мая 1710 г. на одном из судов транспортной эскадры. Под началом Вилима Ивановича состояла команда из 68 артиллерийских служителей, включая трех штык-юнкеров

и трех сержантов, откомандированных из гарнизона Шлиссельбурга [Мельнов, 2017, с. 484, 499].

На гравированном плане осады Выборга, помещенном в первом издании «Книги Марсовой» (1713 г.), в восточном сегменте осадного периметра под литерой «X» отмечены «кетели⁶ и батареи маеора Геннина» [Книга Марсова, с. [28], схема 12] (ил. 1, 2 на цв. вклейке). Оборудование этих артиллерийских позиций началось 20 мая 1710 г. [Мельнов, 2017, с. 484]. Работы велись круглосуточно, частью на болотистом, частью на скально-каменистом грунте, в условиях постоянных обстрелов со стороны крепости (чему дополнительно способствовали установившиеся в мае белые ночи). Нет сомнений, что руководившему возведением позиций Вилиму Геннину довелось не раз рисковать жизнью, оказываясь под пулями и ядрами осажденных.

В итоге под командованием майора В. Геннина оказалось три батареи, состоявшие из 11 мортир и 20 пушек, которые были размещены напротив бастионов Эуряпя и Панцерлак. По данным шведской стороны, кварталы Выборга, которые обстреливались батареями Вилима Геннина, были превращены в развалины, среди которых «невозможно было различить городские улицы» (цит. по: [Там же, с. 488]).

За участие в осаде Выборга Вилим Геннин получил первое на российской службе награждение – сверхокладную денежную выплату в размере двухмесячного жалования. По воспоминаниям Вилима Ивановича, размер ее составил 100 руб. [Берх, 1826, кн. 5, с. 105], а согласно опубликованному архивному документу – 102 руб. [Мельнов, 2017, с. 495].

Боевой путь В. Геннина имел в 1710 г. скорое продолжение. Как известил Якова Брюса Р. В. Брюс в письме от 24 июня 1710 г., «дана мне команда особливая, повелено мне... маршировать к Кексголму для блокады оной крепости» [Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Кн. 47. Л. 481 об.]. Приведенные строки означали, что в тот день Петр I назначил генерал-майора Романа Брюса командующим войсковой группировкой, которой предстояло, совершив переход из-под Выборга, овладеть крепостью Кексгольм. В этой осаде довелось принять участие и майору Вилиму Геннину.

Расположенный на двух островах в устье реки Вуоксы у западного берега Ладожского озера Кексгольм располагал к 1710 г. гарнизоном в 562 штыка при 45 пушках и четырех мортирах. Комендантом крепости с марта 1710 г. являлся полковник Йохан Шерншанц (*Johan Stiernschantz*), родившийся в 1670 г. и поступивший на военную службу добровольцем в 1695 г. [Lewenhaupt, s. 665].

Посетивший Кексгольм с инспекцией в 1681 г. знаменитый фортификатор Э. Дальберг (*Erik Jönsson Dahlberg*) отметил, что в инженер-

⁶ Так в начале XVIII в. именовались мортирные батареи. Термин явился искаженной калькой от немецкого «Kessel» – котел. Его использование было связано с тем, что на боевой позиции мортиры устанавливались на деревянные платформы в углубленные в грунте площадки.

ном отношении крепость была слабой, ее стены и валы были уязвимы для обстрела из тяжелых орудий. Как провидчески констатировал фортификатор, «городские укрепления... не могут противостоять такому могущественному врагу, как русские» (цит. по: [Кальюнди, с. 76]). Однако никаких мер по реконструкции крепостных сооружений шведские власти так и не предприняли.

Осада и взятие Кексгольма освещены в военно-исторической литературе ничуть не хуже, нежели обстоятельства падения Выборга [Мельнов, 2015; Sundberg, p. 330–338]. Кроме того, в 1916 г. был опубликован пространный «Журнал» обороны и капитуляции крепости (*Journal från Kexholms belägring och kapitulation, juli–september 1710*) [Karolinska krigares dagböcker, Bd. 11, S. 131–170].

Первые разъезды российских драгун появились вблизи Кексгольма 5 июля 1710 г. 10 июля началось возведение осадных сооружений на южном берегу Вуоксы. Несмотря на интенсивный огонь крепостной артиллерии, работы (ведшиеся, как и при осаде Выборга, круглосуточно) были в основном завершены к 15 июля 1710 г. Благодаря тому, что к 1710 г. российское командование контролировало всю акваторию Ладожского озера, осадной группировке бесперебойно доставлялись водным путем боеприпасы и продовольствие с баз снабжения в Новой Ладоге и Шлиссельбурге.

Несмотря на храбрость и распорядительность коменданта Й. Шерншанца, который под обстрелами то с мушкетом в руках обходил посты на стенах, то, взявшись за лом, помогал артиллеристам перекатывать пушки, моральное состояние гарнизона было шатким. За период осады из крепости дезертировало неординарно значительное число ее защитников – 78 рядовых [Ibid, S. 140–141, 144, 155].

Обстоятельства участия «маеора Генинга» в осаде Кексгольма остались поныне совсем не проясненными. Учитывая, что вся артиллерия осадной группировки состояла из пяти мортир, двух гаубиц и 25 пушек [Северная война, с. 127], возможно предположить, что под стенами бывшей Корелы В. Геннин выступал в роли старшего артиллерийского офицера. Однако именно в связи с участием в осаде Кексгольма Вилим Иванович первый и последний раз попал в официальную хронику событий Великой Северной войны, будучи упомянут в реляции «О взятии города Кексхолма (или Корелы)».

Составлению реляции предшествовало завершение осадной эпопеи. Так и не дождавшись каких-либо действий шведского командования по деблокированию Кексгольма [Sundberg, p. 335], Й. Шерншанц направил 4 сентября 1710 г. в российский лагерь парламентаря с предложением начать переговоры о капитуляции. Поскольку крепость сдавалась «на аккорд», то есть добровольно и до начала штурма, комендант имел основания настаивать на почетных условиях капитуляции.

Оперативно согласовав вопрос с находившимся в Санкт-Петербурге царем, командующий осадной группировкой Р. В. Брюс

согласился на все условия шведского коменданта, за исключением выноса из крепости знамен и выхода гарнизона с «полковой музыкой» [Письма и бумаги, т. 10, с. 318]. Для выработки окончательного варианта соглашения о капитуляции («аккордных пунктов») вечером 7 сентября 1710 г. в крепость, согласно реляции, были направлены «артиллерной майор Геник да с ним капитан Киселев» [Северная война, с. 126–127]. Соответствующий фрагмент реляции был воспроизведен затем в «Книге Марсовой», а впоследствии и в «Истории Свейской войны» [Книга Марсова, с. [43]; История Свейской войны, вып. 1, с. 360–361].

В свою очередь, в «Журнале» обороны и капитуляции Кексгольма было отмечено, что «вечером из русского лагеря прибыли один майор и один капитан с пунктами соглашения» [Karolinska krigares dagböcker, Bd. 11, S. 146]. Детали переговоров В. Геннина с Йоханом Шерншанцем остались неизвестными. В «Журнале» оказались не упомянуты даже имя и фамилия старшего российского представителя (хотя Вилим Иванович при встрече с комендантом не мог не представиться). Несомненным представляется лишь то обстоятельство, что велись переговоры на немецком языке, без переводчика (в шведской армии немецкий язык являлся в то время вторым командным). Как бы то ни было, соглашение о капитуляции на российских условиях было достигнуто, и в ночь на 8 сентября Вилим Геннин вернулся в расположение своей части.

Утром 8 сентября 1710 г. Й. Штершанц и Р. В. Брюс поставили свои подписи на списках соглашения на немецком и русском языках, после чего в крепость вступил первый российский батальон. Во исполнение «аккордных пунктов» солдаты и офицеры гарнизона во главе с Й. Шерншанцем были погружены на два российских судна, снабжены провиантом на восемь суток и отправлены в сопровождении российского конвоя по Ладожскому озеру в направлении крепости Кроноборг (*Cronobårg*) [Karolinska krigares dagböcker, Bd. 11, S. 147].

Тот факт, что командующий Роман Брюс направил известить Петра I о долгожданном падении крепости именно В. Геннина, возможно объяснить, с одной стороны, боевыми заслугами майора в ходе осады и его участием в переговорах о капитуляции, а с другой – «патронажным» отношением Романа Вилимовича к Вилиму Ивановичу. Как представляется, доклад Вилима Геннина Петру I, состоявшийся 10 сентября 1710 г., стал первым эпизодом его личного общения с главой государства. Не исключено, что Вилим Иванович присутствовал также на праздничном застолье, которое было организовано с участием царя по случаю взятия Кексгольма во второй половине дня 10 сентября в Кроншлоте [Юль, с. 245].

Между тем, «маеор Генинг» прибыл в Санкт-Петербург не только с донесением командующего. Вилим Иванович подготовил так-

же «чертеж» Кексгольма и осадных сооружений, который передал Петру I при встрече [Берх, 1826, кн. 5, с. 105]⁷.

Будущий император достаточно щедро вознаградил посланца Р. В. Брюса. Согласно упоминавшейся записке В. Геннина 1743 г., «за взятие Кексголма» он получил «золотую медаль с алмазами» стоимостью в 150 руб.⁸ и «деревню Азила» (Асила) [Там же] (ил. 3).

Пожалование деревни явилось воистину царским подарком.

Старинное поселение (впервые упомянутое в документах в 1500 г.), Асила располагалась в приустьевой части реки Асиланйоки в Хийтольском погосте Кексгольмского уезда, в 18 верстах от города. Во второй-третьей четверти XVII в. деревня находилась в ленном владении сначала фельдмаршала Я. Делагарди, а затем генерал-губернатора Ингерманландии Я. Таубе, у которого была в 1683 г. изъята в ходе редукации. К 1710 г. «мыза Азила» представляла собой процветающее хозяйство из 66 крестьянских дворов с обустроенным усадебным домом, лососевыми угодьями, пильной и мукомольной мельницами [Петрова, с. 102–103].

И хотя, согласно архивному документу, пожалование «мызы Азила» В. Геннину имело место вовсе не сразу после падения Кексгольма, а в 1714 г. [РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 48. Л. 468 об.], существа дела это не меняло. Тем более что в 1714 г., вероятнее всего, состоялось уже юридическое оформление пожалования, когда Вилиму Геннину были выданы правоустанавливающие документы.

3. Медаль в память о взятии Кексгольма. 1710

Medal in memory of the siege of Kexholm. 1710

Conclusionis lineas

Падения Выборга и Кексгольма вплелись в череду успешных осад кампании 1710 г. на российско-шведском фронте Великой Северной войны. Последовавшие одна за другой капитуляции Риги (4 июля),

⁷ Судя по всему, это был тот самый «чертеж Кексголму», более раннюю копию которого В. Геннин направил Ф. М. Апраксину при письме от 22 августа 1710 г. Как отметил Вилим Иванович, из «чертежа» возможно «выразуметь, где которых крепости, шведския батареи и протоки, также нашего государя апроши... и где стоят полки царского величества» [Берх, 1826, кн. 1, с. 69]. Вероятнее всего, какой-то из списков «чертежа» В. Геннина был впоследствии гравирован и помещен в «Книге Марсовой» [Книга Марсова, с. [44], схема 16].

⁸ Более подробно В. Геннин описал медаль в своем завещании от 1 марта 1750 г.: «Овальная золотая медаль с малыми алмазами и голубую эмалевою короною» [Берх, 1826, кн. 5, с. 148].

Выборга, Динамюнде (8 августа), Пернова (14 августа), Кексгольма, Аренсбурга (15 сентября) и Ревеля (29 сентября) привели к необратимому падению шведского владычества в Лифляндии, Эстляндии и в основной части Ингерманландии. И в этом значимом для истории всей Северной Европы событии навсегда осталась толика ратных трудов майора В. Геннина.

Вместе с тем, 1710 г. явился, судя по всему, последним, в котором Вилим Иванович принял непосредственное участие в боевых действиях. На сегодня возможно полагать установленным, что офицер-артиллерист В. Геннин не участвовал ни в злополучном Прутском походе, ни во взятиях Штеттина и Нейшлота, Або и Каянеборга.

Однако несмотря на то, что Вилиму Геннину не довелось более получить ни одной награды за боевые заслуги, 1710 г. стал несомненно переломным в его карьере в России. Представляется очевидным, что Вилим Иванович сумел воспользоваться шансом произвести на Петра I при личном докладе о взятии Кексгольма благоприятное впечатление, оставить у него о себе позитивные ассоциации.

Остается добавить, что после взятия Кексгольма Вилим Геннин продолжил службу на берегах Невы. Как засвидетельствовал пленный шведский офицер Л. Эренмальм (*Lars Johan Ehrenmalm*), в 1712 г. в Санкт-Петербурге «подполковник Хенниг надзирал за артиллерией и фортификационными работами» [Беспярых, с. 92]. Да и сам 1712 г. открылся в будущей столице грандиозным фейерверком, который был «учинен» 1 января перед дворцом А. Д. Меншикова «через подполковника Генника».

Согласно отпечатанному в Петербургской типографии четырехстраничному «Изъявлению фейерверка», в ходе его представления возникали фигуры Петра I на коне, богини Цереры с копьем и рогом изобилия, появлялась Швеция в виде змеи, извивавшейся между коронами России, Турции и Польши. Затем орел, символизировавший Россию, поражал стрелами льва (Швецию), после чего из морских волн поднималась крепость (Санкт-Петербург) с кораблями, заплывавшими в ее гавань [Описание изданий гражданской печати, с. 126–127]. Так что В. Геннину вполне пригодились навыки по «устройству разных фейерверков», о которых он объявил в далеком 1698 г. при вступлении в российскую службу.

А вот профессиональное знакомство Вилима Геннина с литейным делом сыграло важную роль в его карьере несколько позднее. Но это был уже совсем иной этап жизненного пути уроженца Зигена Георга Вильгельма Геннина, навеки вошедшего в анналы российской истории под именем Вилима Ивановича Геннина.

Список литературы

Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Кн. 47.

Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса : в 3 т. / сост. С. В. Ефимов, Л. К. Маковская ; под ред. В. М. Крылова. СПб. : Щелково : [Б. и.], 2005–2006. Т. 2. 208 с. Т. 3. 256 с.

Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. 1. С. 51–129; Кн. 5. С. 87–149; 1828. Кн. 2. С. 115–117.

Беспярых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л. : Наука, 1991. 279 с.

Бранденбург Н. Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России : Приказ артиллерии (1701–1720 гг.). СПб. : Тип. Арт. журн., 1876. V + 555 с.

Гамель И. X. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М. : Тип. А. Семена, 1826. XX + 263 + 69 с.

История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова ; под ред. А. А. Преображенского. М. : Кругъ, 2004. Вып. 1. 632 с.

Кальюнди Е. А., Кирпичников А. Н. Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 году : По доношению Эрика Дальберга правительству Швеции // Скандинавский сборник. Таллин : Ээсти раамат, 1975. Вып. 20. С. 68–79.

Книга Марсова или воинских дел от войск царского величества российских. [СПб.] : Санкт-Петербург. тип., 1713. [44] с.

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2006. 280 с.

Мельнов А. В. Осада Кексгольма в 1710 г. в свете новых источников // Клио. 2015. № 8. С. 170–175.

Мельнов А. В. Роль русской артиллерии в осаде Выборга 1710 года // История военного дела: исследования и источники. 2017. Вып. 6. С. 477–502.

Николаева М. В. Санкт-Петербург Петра I. История дворовладений: застройка и застройщики. М. : Прогресс – Традиция, 2014. 1000 с.

Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1613–1725 гг. / сост. А. Е. Викторов. М. : Тип. М. П. Щепкина, 1883. Вып. 2. 323 с.

Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г. : сводный каталог / сост. Т. А. Быкова, М. М. Гуревич ; под ред. П. Н. Беркова. М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1955. 625 с.

Петрова М. И. Сподвижник Петра I В. И. Геннин и его имение Асила в Хийтольском погосте Кексгольмского уезда // Уч. зап. Петрозаводск. гос. ун-та. 2019. № 2. С. 101–107. DOI 10.15393/uchz.art.2019.297.

Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 т. / сост. А. П. Глаголева, Е. П. Подъяпольская ; под ред. Б. Б. Кафенгауза. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. Т. 10. 869 с.

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 48; Ф. 150. 1698 г. № 10; Ф. 154. Оп. 2. № 162; Ф. 396. Оп. 1. № 34000.

Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. (документы Государственного архива) / сост. А. З. Мышлаевский. СПб. : Воен. тип., 1893. XXXIV + 467 + XII с.

Юль Ю. Записки датского посланника при Петре Великом (1709–1711) / сост. Ю. Н. Щербачев. М. : Университет. тип., 1899. IX + 598 с.

[*Helbig G.-A., von.*] Russische Günstlinge. Tübingen : J. G. Gotta'schen Buchhandlung, 1809. IV + 502 S.

Karolinska krigares dagböcker jämte andra samtida skrifter / utg. A. W. Quennerstedt. Lund : Berlingska Boktryckeriet, 1916. Bd. 11. XXXI + 336 s.

Lewenhaupt A. Karl XII: s officerare. Biografiska anteckningar. Stockholm : P. A. Norstedt ; Sonérs förlag, 1920. IV + 799 s.

Lück A. Georg Wilhelm Henning. Ein Siegener als Organisator der sibirischen Eisenindustrie zur Zeit Peters des Großen // Siegerland. Siegen : [S. n.], 1972. Bd. 49. S. 9–24.

Stählin J., von. Originalaneddoten von Peter der Großen. Leipzig : J. G. I. Breitkopf, 1785. 22 + 422 S.

Sundberg U. Swedish Defensive Fortress Warfare in the Great Northern War. 1702–1710. Åbo : Åbo Akademis förlag, 2018. XVII + 405 p.

References

Arkhiv VIMAIViVS [The Archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps]. Stock 2. List 1. Book 47.

Berkh, V. N. (1826–1828). Zhizneopisanie general-leitenanta Villima Ivanovicha Gennina, osnovatelya rossiiskikh gornyykh zavodov [Biography of Lieutenant General Willim Ivanovich Gennin, Founder of Russian Mining Plants]. In *Gornyy zhurnal*. Book 1, pp. 51–129. Book 5, pp. 87–149; 1828. Book 2, pp. 115–117.

Bespyatykh, Yu. N. (1991). *Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniyakh* [Peter I's Petersburg in Foreign Descriptions]. Leningrad, Nauka. 279 p.

Brandenburg, N. E. (1876). *Materialy dlya istorii artilleriiskogo upravleniya v Rossii. Prikaz artillerii (1701–1720 gg.)* [Materials for the History of Artillery Control in Russia: Order of Artillery (1701–1720)]. St Petersburg, Tipografiya Artilleriiskogo zhurnala. V + 555 p.

Bykova, T. A., Gurevich, M. M., Berkov, P. N. (Eds.). (1955). *Opisanie izdaniy grazhdanskoi pechati. 1708 – yanvar' 1725 g. Svodnyi katalog* [Description of Publications of the Civil Press. 1708 – January 1725: Consolidated Catalogue]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 625 p.

Efimov, S. V., Makovskaya, L. K., Krylov, V. M. (Eds.). (2005–2006). *Arkhiv general-fel'dtseikhmeistera Yakova Vilimovicha Bryusa v 3 t.* [Archive of General-Feldzeichmeister Jacob Wilimovich Bruce. 3 Vols.]. St Petersburg, Shchelkovo, S. n. Vol. 2. 208 p. Vol. 3. 256 p.

Gamel', I. Kh. (1826). *Opisanie Tul'skogo oruzheinogo zavoda v istoricheskom i tekhnicheskoy otnoshenii* [Description of the Tula Arms Factory in Historical and Technical Terms]. Moscow, Tipografiya A. Semena. XX + 263 + 69 p.

Glagolev, A. P., Pod'yapol'skaya, E. P., Kafengauz, B. B. (Eds.). (1956). *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo v 13 t.* [Letters and Papers of Emperor Peter the Great. 13 Vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 10. 869 p.

[Helbig, G.-A., von]. (1809). *Russische Günstlinge*. Tübingen, J. G. Gotta'schen Buchhandlung. IV + 502 S.

Kal'yundi, E. A., Kirpichnikov, A. N. (1975). Kreposti Ingermanlandii i Karelii v 1681 godu. Po doneseniyu Erika Dal'berga pravitel'stvu Shvetsii [The Fortresses of Ingermanland and Karelia in 1681: According to Eric Dahlberg's Report to the Swedish Government]. In *Skandinavskii sbornik*. Tallin, Eesti raamat. Iss. 20, pp. 68–79.

Kniga Marsova ili voinskikh del ot voisk tsarskogo velichestva rossiiskikh [The Book of Mars, or Military Affairs from the Troops of His Majesty the Tsar of Russia]. (1713). [St Petersburg], Sankt-Peterburgskaya tipografiya. [44] p.

Korepanov, N. S. (2006). *Gennin na Urale* [Gennin in the Urals]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 280 p.

Lewenhaupt, A. (1920). *Karl XII: s officerare. Biografiska anteckningar*. Stockholm, P. A. Norstedt ; Sonërs förlag. IV + 799 s.

Lück, A. (1972). Georg Wilhelm Henning. Ein Siegener als Organisator der sibirischen Eisenindustrie zur Zeit Peters des Großen. In *Siegerland*. Siegen, S. n. Bd. 49, S. 9–24.

Maikova, T. S., Preobrazhenskii, A. A. (Eds.). (2004). *Gistoriya Sveiskoi voyny (Podennaya zapiska Petra Velikogo)* [Histories of the Great Northern War (Daily Notes of Peter the Great)]. Moscow, Krug“. Iss. 1. 632 p.

Mel'nov, A. V. (2015). Osada Keksgol'ma v 1710 g. v svete novykh istochnikov [The Siege of Kexholm in 1710 in the Light of New Sources]. In *Klio*. No. 8, pp. 170–175.

Mel'nov, A. V. (2017). Rol' russkoi artillerii v osade Vyborga 1710 goda [The Role of Russian Artillery in the Siege of Vyborg in 1710]. In *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki*. Iss. 6, pp. 477–502.

Myshlaevskii, A. Z. (Ed.). (1893). *Severnaya voina na Ingermanlandskom i Finlyandskom teatrakh v 1708–1714 gg. (dokumenty Gosudarstvennogo arhiva)* [The Northern War on the Battlefields of Ingermanland and Finland in 1708–1714 (Documents of the State Archive)]. St Petersburg, Voennaya tipografiya. XXXIV + 467 + XII p.

Nikolaeva, M. V. (2014). *Sankt-Peterburg Petra I. Istoriya dvorovladieni: zaostroika i zaostroishchiki* [Peter I's St Petersburg. The History of Homeownership: Development and Developers]. Moscow, Progress-Traditsiya. 1000 p.

Petrova, M. I. (2019). Spodvizhnik Petra I V. I. Gennin i ego imenie Asila v Kھیitol'skom pogoste Keksgol'mskogo uezda [Peter I's Companion V. I. Gennin and His Estate Asil in the Kھیitola Settlement of Kexholm District]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2, pp. 101–107. DOI 10.15393/uchz.art.2019.297.

Quennerstedt, A. W. (Ed.). (1916). *Karolinska krigares dagböcker jämte andra samtida skrifter*: Lund, Berlingska Boktryckeriet. Bd. 11. XXXI + 336 s.

RGADA [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 9. Department 2. Book 48; Stock 150. 1698 g. No. 10; Stock 154. List 2. No. 162; Stock 396. List 1. No. 34000.

Stählin, J., von. (1785). *Originalaneddoten von Peter der Großen*. Leipzig, J. G. I. Breitkopf. 22 + 422 S.

Sundberg, U. (2018). *Swedish Defensive Fortress Warfare in the Great Northern War. 1702–1710*. Åbo, Åbo Akademis förlag. XVII + 405 p.

Viktorov, A. E. (Ed.). (1883). *Opisanie zapisnykh knig i bumag starinnykh dvortsovykh prikazov. 1613–1725 gg.* [Description of the Notebooks and Papers of the Old Palace Chancelleries. 1613–1725]. Moscow, Tipografiya M. P. Shchepkina. Iss. 2. 323 p.

Yul', Yu. (1899). *Zapiski datskogo poslannika pri Petre Velikom (1709–1711)* [Notes of the Danish Envoy under Peter the Great (1709–1711)] / ed. by Yu. N. Shcherbachev. Moscow, Universitetskaya tipografiya. IX + 598 p.

The article was submitted on 12.12.2018